
Георгий Сотников

Ведьма

Последнее изменение: 12 февраля 2018

(с) Все права на эту работу принадлежат автору

□□□□□□□□

□□□□□□□□ Для меня был большой неожиданностью факт существования этой конторы. Еще больше неожиданностью для меня был факт того, что эта контора располагается прямо в соседнем подъезде. Наверное, это некий алгоритм работы мозга, – пока тебе не нужен зубной врач, ты не видишь вывесок. Но как только у тебя начинает болеть зуб, ты сразу везде видишь гигантские буквы «Стоматология» на стене каждого второго дома.

Итог – она существует, и я стою прямо перед входом, испытывая некое подобие смущения. Не знаю почему, но, мне не хочется, чтобы соседи видели меня около этой двери.

Идет дождь. Я читал, что дождь – это слезы Урана. Первый, кто стал «править всем миром», теперь плачет от боли. Ведь его собственный сын, серпом, который дала ему мать, оскотил отца. Если подумать, то та рана уже зажила, а свою похоть Уран уже давно обуздал. Тогда получается, что плачет он от раны душевной. Такие раны не заживают. Они всегда кровоточат.

Дождь идет, а я все ни как не решусь повернуть дверную ручку. Вместо этого я размышляю о страданиях греческих божеств, словно о страданиях реальных людей.

Словно чувства этих многими забытых существ реальны.

Ну, в этом тоже есть своя логика. Если я допускаю возможность существования одного нереального существа, то могу допускать и существование остальных.

И все-таки я решаюсь повернуть ручку. Медленно, неуверенно, в тайне мечтая не делать этого, но поворачиваю. Дверь тихо, без всяких лишних звуков, вроде скрипа или скрежета, открывается, и я вхожу. Вхожу в совершенно обычный коридор, в котором кроме нескольких дверей и стенда с информацией нечего нет. На стенде я сразу вижу надпись - «Борьба с нечестью в четвертом кабинете».

От этой нелепости этой фразы становится смешно. Но этот смех не успокаивает. Этот смех нервный. Смех человека смотрящего на зажженный фитиль динамитной шашки, который он не может потушить.

Около двери номер четыре я опять останавливаюсь. Опять в моей голове появляется настойчивая мысль уйти отсюда и не возвращаться. Но в этот раз отогнать ее удастся куда быстрее. И я вхожу.

-Прошу!- говорит мне молодой человек, сидящий за столом и собирающий «домик» из сигарет. Он жестом указывает мне на стул.

Высокий, одетый в черный деловой костюм, в котором он, судя по всему, ходит постоянно, а возможно и спит. Волосы растрепаны, под глазами синяки, на щеке след от подушки. Для полноты картины не хватает только щетины, но парень гладко выбрит.

Пока я иду к столу, я охватываю взглядом весь небольшой кабинет. Вся мебель дешевая, из известного всем магазина. Стол, два стула, два шкафа. Стол весь завален бумагами, на нем сразу несколько переполненных пепельниц, пустые пачки сигарет и пара кружек. Один из стульев для гостей, на втором сидит хозяин. Первый шкаф, как полагается в таких конторах, забит большими и черными папками, на которых указан месяц и год документов, которые в них лежат. Второй завален множеством книг разного размера, цвета и степени изношенности.

На стене, за спиной парня, висят сертификаты. Первый гласит о том, что этот человек прошел курсы повышения квалификации у экзорцистов Ватикана. Теперь все действия его в отношении одержимых благословлены Папским Престолом и самим Папой. Второй выдан пуританами Новой Англии и дают владельцу сертификата право судить ведьм. А третий был получен за успешное окончания курсов имени Абрахома Ван Хельсинга.

Всего пара секунд нахождения в этом месте заставила меня вернуться к мысли уйти и не возвращаться. Я даже стал предполагать, что это своеобразная месть жены. Сейчас сзади выскочит ведущий, похлопает меня по плечу и укажет на место где спрятана камера.

Но я, все-таки, сел и внимательно посмотрел на парня. А он внимательно посмотрел на меня. И именно его взгляд сказал мне, что ведущего и камер не будет. Я словно смотрел в лед, внутри которого горело пламя. И лишь Богу известно, сколько времени лед сможет сдерживать огонь. Ведь, в конце концов, он растает, а пламя вырвется наружу.

Я вздохнул и начал рассказ.

Я люблю заброшенные здания. Очень люблю. В этой любви присутствует все, что требуется: опасность, страсть, немного извращенная романтика и тяга к смерти.

Мне нравилось бродить по опустевшим помещениям, разглядывая причудливы узоры на стене, которые создает облупившаяся от времени краска и потрескавшаяся штукатурка. Признания в любви, матерные слова, непонятные символы и детские рисунки лишь украшают эти узоры.

Однажды я сказал жене, которая была недовольна моим увлечением, что это помогает мне успокоить себя. Помогает смириться и понять, что ни что не вечно, – всему придет конец.

Темнота и мрак лишь добавляли остроты моим ощущениям. Конечно, я брал в ночные вылазки фонарик, но не спешил им пользоваться.

Беспросветный мрак, пустота и пугающая тишина. Ты слышишь лишь свое дыхание и шорох мусора под ногами. Все это не пугало меня. Если честно, это доводило меня до экстаза. Пару раз я испытал оргазм.

Конечно, это хобби не было безлопастным. Иногда оно было затратным. Однажды мне пришлось отдать охраннику двухмесячную зарплату, лишь бы он не поднимал лишнего шума. Обычно меня и моих единомышленников просто выгоняли, либо отвозили на ночь в полицейский участок. Но тогда я залез на особо важный объект. Я до сих пор не знаю, чего такого ценного государство нашло в пустых помещениях, но если и нашло, то я этого не увидел.

И вот, два месяца назад, мне предложили съездить в поход. Сначала я отказался, но потом мне сообщили, что это поход по заброшенной деревне, и я моментально изменил свою позицию. Я был готов ехать туда в тот же вечер, дайте только вещи собрать. Но пару дней ждать пришлось.

«Объект» был проверен, пара человек уже ездили туда. Нет ни охраны, ни жителей, ни бродячих собак. Все это казалось даже странным: ехать не далеко, места красивые, дороги проложены. Власть имущие любят землю, а такой бриллиант не заметили.

Выехали мы ранним утром и уже до полудня были в самой деревне. Она была небольшой: пара десятков жилых домов, несколько сараев, аптека, магазин и церковь. Но, несмотря на малые размеры, все осмотреть за день не выйдет. Было решено, в основном из-за моего упорства и настойчивости, остаться на ночь. Делал я это ни столько от желания осмотреть каждый дом, сколько от желания пройтись по «объекту» ночью.

Рассказывать подробно нет смысла. Люди ходили по старым домам, рассматривали мусор, делали фото. Иногда кто-нибудь звал посмотреть на склад манекенов в сарае или сгнившую машину, но, в целом, мало чего интересного для рассказа. Это все не для рассказов, – там нужно быть и видеть, чувствовать все это.

Вечером мы выбрали вроде бы чистый дом и устроили там «базу». Мы поели, поговорили, поделились впечатлениями и легли спать.

Но я спать не собирался. Словно маленький мальчик, который жаждет посмотреть канал для взрослых, я лежал и внимательно прислушивался к дыханию остальных. Я ждал, когда их дыхание выровняется, а комната наполнится звуками сопения и храпа. Потом я подождал еще пару минут, словно дразня себя, и тихо вышел на улицу.

Ночь была темной, безлунной. Даже звезд видно не было, лишь серые тучи. А сама

деревня в таком виде была еще чудеснее, чем днем. Но я жаждал большего. Я хотел вишенку на торте – церковь.

Для начала я даже решил себя подразнить, сделать пару кругов вокруг церкви, рассматривая ее с каждой стороны.

Она была небольшого кубического объема, завершающаяся круто поднятой четырехскатной кровлей и увенчана декоративным пятиглавием с луковичными главами на крутых барабанах. Фасады обработаны крупными филенками, окна арочные, с скромным обрамлением кирпичными наличниками. Но крыша ветхая, рамы без стекол, по всем стенам видны трещины, мох и плесень. Левая сторона просела, церковь теперь немного под наклоном.

Я уже готов был войти, стоял прямо около дверей, ведущих внутрь, но черт возьми, решил взглянуть вниз.

Маленький, белый квадратик резко выделялся на темном фоне и этим быстро привлек мое внимание. Я включил фонарик и поднял нечто, что оказалось фотокарточкой. Я несколько секунд смотрел на заднюю сторону, а потом перевернул.

Осень. Вечер. Лес.

Три девушки стоят и обеими руками сжимают горящие свечи. У каждой длинные и прямые волосы. Каждая в черном кожаном платье до колен. Они похожи на тройняшек, которые различимы лишь по цвету волос. Слева на право: сине-чёрные, огненно-рыжие и ослепительно белые.

Они стоят вокруг белого круга, судя по всему нарисованного краской прямо на земле поверх упавших листьев и веток. В центре круга, на коленях, лишь в белой сорочке, стоит девушка блондинка. Она смотрит прямо в объектив, этого не видно, все четыре фигуры слишком далеко, но это чувствуется.

Не знаю, сколько я простоял вот так, смотря на фотографию. Но в итоге, спрятав находку в карман, я отправился спать, совершенно забыв про свое желание посетить заброшенную церковь.

Это была первая ночь, когда она пришла ко мне.

Весь следующий день я всячески старался избегать свою компанию, стараясь чаще оставаться один, чтобы можно было вновь взглянуть на фото. Словно я был жителем Средиземья, а фотография была зачарованным кольцом, зов и власти которого я был не в силах противостоять.

Так все и началось. Уже через неделю я поймал себя на мысли, что домой меня тянет ни жена или желание отдохнуть, а желание уединиться в туалете с фотографией неизвестных мне девушек. Еще через неделю я мастурбировал на фото уже в туалете на работе. И хотя я осознавал всю абсурдность этих действий, – они меня не пугали и даже не настораживали. Мне казалось, что все нормально.

Все было «нормально» и в день, когда я заплатил проститутке, похожей на ту девушку, и привел ее домой, пока жена была на работе.

Во снах незнакомка часто делала не совсем пристойные вещи, а иногда и слишком

извращенные. И все это я заставил проделать молодую проститутку. Но к ней я не прикасался, просто сидел и наблюдал.

Последние пять дней я каждый день приводил бедную девушку к себе и заставлял ее повторять увиденное мною во снах. В последний день я все же решился присоединиться. И именно тогда, по не очень счастливому стечению обстоятельств, с работы пришла жена. Ей было нехорошо, болела голова, и она отпросилась раньше. Но мне кажется, что, придя домой и, увидев происходящее, о головной боли она забыла.

Теперь, оказавшись на грани развода, потери половины имущества, возможности попасть в больницу, - свояк обещал сломать мне ребра, я решил, что что-то надо делать.

- Поздравляю! - воскликнул парень, сразу же после того, как я закончил свой рассказ. Если честно, мне не очень понравилась его излишняя радость, в данный момент она казалась немного неуместной.

- Поздравляю,- повторил он, закуривая, - У вас самая настоящая, обычная ведьма!

- Простите, но откуда столько радости? - все еще недоверчиво спросил я.

- Все просто. Большая часть людей, которая сюда приходит, нуждается не в моей помощи, а в помощи психиатра. Куча матерей, которые считают свое дитя одержимым из-за увлечения тяжелой музыкой. Огромное количество бабушек, которые считают, что на внука навела порчу злая соседка, потому что у нее пенсия меньше. И теперь бедное дитячко не набирает вес и постоянно плачет. - парень сделал затяжку и выпустил в мою сторону дым, - И, конечно же, ведьмы. Любимые и прекрасные ведьмы. Они ведут себя странно, одеваются как в старые времена, режут тыквы и поклоняются дьяволу в день всех святых. Но чаще его это обычные, очень закомплексованные девушки, которые ничего не добились и поэтому пытаются поднять свою самооценку с помощью дара, который есть у них, но отсутствует у других.

Парень откинулся на спинку стула, театрально развел руки в стороны и взглянул в потолок, будто собирался общаться с самим богом.

- Я! Я хочу быть индивидуальным человеком! Я вижу будущее и гадаю на таро! Я мечтаю жить во времена, когда царила чума, не брили подмышки и прочее. Я - женщина! Я - женщина и я прекрасна и без косметики и гигиены!- он вдруг резко прекратил свой полный сарказма и презрения монолог, внимательно посмотрел на меня, затянулся последний раз и потушил сигарету, - Но у вас самая настоящая ведьма! И от нее желательно избавиться.

- Убить?

- Можем вежливо попросить отстать. Если у вас есть ее номер, то мой знакомый юрист все уладит. Составим договор - нарушение, который повлечет за собой крупный штраф.

- Но у меня нет ее номера...

- Тогда остается только вариант с насилием и пытками. А жаль.

Я так и не понял, все это был сарказм или парень все говорил серьезно. Уточнять я не решился.

- Вас хотят сделать подкаблучником. Вообще-то, это зовется одержимость, но это фигня. Я сторонник нововведений. Знаете, как я зову попавших под влияние колдуна, а не ведьмы?! Заднеприводные!

Шутка мне не особо понравилась. Собственно, все происходящее: кабинет, шкафы с книгами и сам хозяин сего места мне не понравились. В словах его было слишком много желчи и сарказма, я не всегда понимал, о чем он говорит. Хотя продолжали разговор мы еще довольно долго.

Оказалось, что на фото изображен обряд посвящения, когда послушница становится ведьмой. Но это роли не играло, вместо фото мог быть любой предмет. Это "крючок" - предмет, неразрывно связанный с ведьмой, а, следовательно, и с его владельцем. А владельцем теперь был я. Они так набирают себе послушников, так как в современный век самостоятельно воровать детей ведьмы не решаются.

Когда я попался на «крючок», я подписал себе приговор. Но конфликт с женой, повлекший столько проблем, смог ненадолго вернуть меня в реальный мир.

- Что же делать? Уничтожить фото? Или вам отдать?

- В первые дни это могло бы помочь, но теперь вы одержимы этим фото. Уничтожение, передача другому лицу и прочие действия особого результата не принесут. Скорее всего, это приведет к более негативным последствиям. Вы можете напасть на человека, которому отдали «крючок». Или покарать себя за его уничтожение. Был у меня один клиент, который сжег «крючок», а потом сжег себя. Сами понимаете, мертвый клиент - плохой клиент.

- И что делать?- еще раз спросил я.

-Дайте мне пару дней на подготовку, приготовьте деньги и начнем действовать.

Мы пожали руки и я ушел.

На работу я не пошел, взял больничный, а телефон выключил. Потом весь день сидел и смотрел в одну точку на стене, пытаюсь разобраться, что же изображено на обоях.

Я долго сидел и не заметил как через какое-то время задремал. И она опять явилась.

Я все еще сидел, когда она тихо, на цыпочках, вошла в комнату, буквально освещая ее своей белоснежной, цвета слоновой кости кожей. Нагая и прекрасная, как обычно.

Я продолжал сидеть и смотреть в стену, а она встала сзади и начала нежно гладить мое лицо, шею и волосы. Потом ее рука скользнула ниже, и она начала гладить мою грудь. А я все сидел, закрыв глаза и наслаждался происходящем.

Она целовала мое лицо, облизывала уши и тихо спрашивала о том, как прошел мой день. Вела себя как идеальная женщина. А я, находясь в некоем трансе, рассказывал ей обо всем что произошло со мной. О посещении конторы я тоже рассказал.

За всю информацию, что я предоставил, она пообещала меня отблагодарить. Встала передо мною на колени, попросила расслабиться и начала расстегивать ширинку. Я откинул голову назад и приготовился получить дозу наслаждения. Она уже доставляла мне удовольствие, когда приходила. И пусть это было во сне, это все равно было самым

лучшим и прекрасным, что я знал в своей жизни. Ни в одном языке нет слов, которые помогли бы мне описать те чувства, которые я испытывал.

Но в этот раз все было по-другому. Вместо желаемого наслаждения я получил адскую боль. В меня словно вонзили раскаленные иголки. Я завопил и попытался вырваться. Но некогда прекрасный ангел, ныне ставший демоном, схватил меня своими когтями и не собирался отпускать.

Очнувшись, я понял, что лежу. Лежу и смотрю в потолок, ожидая момента, когда боль из кошмара наконец-то исчезнет. Но боль не исчезала.

Два дня я терпеть не мог. Уже утром следующего дня я опять был в кабинете странного парня и показывал ему раны на шее. Раны на гениталиях я показывать не решился. А он сидел, курил, слишком внимательно рассматривал мои раны и недостаточно внимательно слушал меня.

- Она пришла! Явилась из пустоты и стала меня пытаться. - говорил я, умолчав о предварительных ласках.

- Совратила, получила все нужное, а вместо благодарности чуть яйца не оторвала? Вот стерва.

И опять в его словах было много сарказма, чтобы понять серьезно ли он говорит. Но его издевки, даже если это были они, меня не особо волновали. Я требовал действий. Требовал защиты.

Минут через пять, когда я перестал кричать на него, он закурил новую сигарету, сложил руки домиком и внимательно на меня посмотрел, изогнув правую бровь.

- Я помню про оплату!- сказал я и буквально кинул в него пачкой денег, которые хотел потратить на адвоката.

- Хорошо, дайте мне минут двадцать и мы поедем.

- Куда?

- Ловить бабочек, - саркастично ответил он.- Мне тут недавно место показывали, где их очень много. Но если честно, то мы едем на охоту.

-Убивать?

-Я уже говорил, если такой вариант вас не устраивает, можем подать на нее в суд и запретить подходить к вам и вашему сознанию ближе пятидесяти метров. А еще каждому своему парню она обязана будет говорить о том, что она ведьма и может сделать его одержимым. Все! Жди на улице.

В деревню мы ехали довольно долго. В отличии от моих друзей, таксист не знал дороги, навигация не работала, а русский язык и советы он плохо понимал. В итоге, лишь после обеда мы остановились возле знакомой мне церкви.

Парень выскочил из машины, закурил и сразу двинулся осматривать местность, оставив меня и водителя наедине. Полминуты мы молчали, пока до меня не дошло, что водитель ждет оплату.

- Теперь я без денег! - недовольно сообщил я спутнику, когда догнал его. Но он оставил это без комментариев, молча продолжая осматриваться.

Минут десять мы бродил вокруг церкви, а любая моя попытка заговорить грубо пресекалась. Но, наконец, к нам присоединился еще один человек.

Вроде бы обычный парень, одет цивильно, по последней моде. Только вот слишком запыхавшийся и вся одежда грязная. Словно он долго куда-то бежал, оставляя без внимания все препятствия, падения и прочее. Но, несмотря на такую марафонскую пробежку, он выглядел достаточно уверенным в своих силах. Уверенным, что сейчас он нас на тот свет отправит.

Одержимый. Я сразу понял это по его безумным глазам. Мой спутник советовал всегда смотреть в глаза, чтобы понять, кто перед тобой. «Одержимые», - говорил он, - «люди с искаженной душой, и взгляд у них искажается.» Тогда я не понял, что такое "искаженный взгляд". Теперь понял.

Пока я раздумывал над происходящим, действие продолжилось. Одержимый отдышался, начал подходить ближе. Двигался он уверенно, идя напрямик, явно не предполагая каких-либо ситуаций, в которых он не окажется победителем.

Мой напарник внимательно за этим наблюдал, а потом достал из кармана бутылку воды и открыл ее.

Выглядело это так, будто он просто хотел попить, но вторжение одержимого в личное пространство возмутило его так, что он плеснул обидчику в лицо жидкостью из бутылки.

Противник отшатнулся, миг постоял, словно бы прислушивался к собственным ощущениям, а потом резко завопил от боли.

Он согнулся пополам, начал мотать головой из стороны в сторону, продолжая при этом орать от боли. Он схватился за лицо руками, и крик стал еще громче, видимо, жидкость обожгла и руки. Теперь он махал еще и руками. Потом упал на землю, изогнулся, словно пытаясь себя самого сломать, а потом замолк.

- Святая вода?- неуверенно спросил я, глядя как мой спутник убирает бутылку в карман, одновременно с этим тыча в лежащего мысом ботинка.

- Кислота, - ехидно ответил он. - Но я в ней маме крестик чистил!

Мы двинулись в сторону дверей ведущих в церковь, оставив одержимого лежать на земле. Я так и не понял, что с ним случилось: умер ли он, или просто отключился из-за боли. Если честно, то дальнейшая судьба этого человека меня не волновала. Я был слишком увлечен мыслью, что могу стать таким.

Перед самым входом мы остановились. Я думал, что спутник мой перекрестится или еще чего, но он просто выкинул бычок и закурил новую сигарету. А потом он протянул мне пистолет.

- Держи.

И мы вошли.

Она была такой же прекрасной, как и в моих грезах. Одновременно с этим такой же пугающей, как в моих кошмарах. Она внимательно смотрела в нашу сторону и мило улыбалась.

В белом платье, босая, она стояла, заложив руки за спину, и раскачивалась туда-сюда на мысках. Она походила на ребенка, которого заточили в детском теле.

- Привет,- приветствовала она нас своим прекрасным голосом.- Чай, кофе?

- Потанцуем. - Ответил стоявший рядом со мной охотник за нечестью. Теперь я был в этом твердо уверен. Все дело в глазах. Это были глаза пса, который наконец-то загнал свою добычу в угол и готов был растерзать на мелкие кусочки. Таким не нужны трофеи. Им вообще плевать за кем они гонятся. Для них, главное, - процесс охоты, который завершится либо их победой, либо их смертью.

Она ничего не ответила.

Моментально стены церкви исказила неведомая мне сила. Словно некто невидимый согнул кирпичные стены как лист бумаги, стараясь придать им форму геометрического предмета из другого измерения. В этих линиях и изгибах было нечто жуткое, нечто непонятное и неправильное.

Все помещение заполнили тени невиданных и жутких существ, которые явились к нам в мир из самых дальних уголков ада. И с каждым мгновением они становились все более явными, более реальными. Демоны кружили по храму божьему в своем безумном танце, не обращая никакого внимания на святость места. Мне стало одновременно и холодно и жарко. Каждую секунду меня то кидали в прорубь с ледяной водой, то в адскую печь. Я хотел рыдать, но ужас сковал мое тело так сильно, что даже слезы отказывались скользить по щекам.

В отличие от меня мой напарник не видел в этом всем проблемы. Он раздраженно закатил глаза, глубоко вздохнул, возмущенный такой посредственностью. Словно он каждый день видел подобное.

Вдруг он резко метнулся в сторону и схватил нечто невидимое.

И все прекратилось. Мы стояли в пустом помещении старой церкви, в котором все и началось, а охотник держал в руке пойманную за шею добычу и улыбался.

Она извивалась словно змея, била его кулаками, материлась и кричала. И за такое поведение она получила пощечину, после которой затихла.

- У нас два варианта. Первый - ты сдашь подружек, а я дарю тебе смерть. Второй...- закончить он не успел - она в него плюнула.

Хмыкнув, он рукавом свободной руки вытер лицо и сжал руку на шее сильнее. Это было видно по поведению девушки, которая усердно царапала его руку и пыталась сделать хотя бы один вдох. А он сжимал сильнее и сильнее. На висках бедняги вздулись вены, лицо побагровело, и лишь когда ее глаза стали закатываться, он ослабил хватку.

Дав ей сделать желаемый вдох, он с силой швырнул ее на пол, специально так, чтобы удар пришелся головой. Послышался хруст ломающейся кости.

Потом он поднял ее и швырнул уже в ближайшую стену. Удар был не особо сильный, но на ногах девушка все равно не устояла и повалилась на пол. Так она и лежала, жадно хватая воздух ртом. Потом была попытка подняться, которую мучитель прервал, в прямом смысле прыгнув на спину бедняге.

И тут я услышал голос у себя в голове. Голос прекрасного, но страдающего существа, которое молило меня о помощи.

Она рыдала. Она плакала. Но плакала не от побоев или увечий. Она плакала от обиды, от душевной раны, которую я ей нанес своим предательством.

И я тоже заплакал. Мне тоже было обидно. Мне тоже было больно.

Я опять вспомнил про греческих богов и их чувствах. Как тогда, у двери ведущий в контору маньяка. Но тогда я был растерян и неуверен. Тогда я боялся и не знал, что мне делать. Но теперь все по-другому. Теперь я знаю, что надо делать. Теперь я уверен.

Он уже прекратил ее избивать. Просто стоял рядом, надавив на горло ногой, а она лежала, израненная и измученная, без движений и признаков жизни.

Внутри меня разгорелись гнев и злоба. Наконец, я вспомнил о пистолете, который этот маньяк мне дал. Все это время я сжимал его в руке и, наконец, решил использовать. Я направил дуло в его сторону и нажал на курок.

□□□□□□□□□□□□□□